

ЗАПРЕЩЕННЫЙ РОМАН НАГИБА МАХФУЗА

В.Н. ЗАРЫТОВСКАЯ

Кандидат педагогических наук
Российский университет
дружбы народов

Ключевые слова: современная арабская литература, Нагиб Махфуз, «Дети нашей улицы», запрещенная литература, исламисты

Египетский писатель Нагиб Махфуз (1911-2006) - выдающийся художник, запечатлевший жизнь своей страны в XX столетии (в романах «Хан аль-Халили» (1947 г.), «Каирская трилогия» («Сулясийят аль-Кахира») (1956-1957 гг.), «Болтовня над Нилом» («Сарсара фаука ан-Ниль») (1966 г.), «Уважаемый господин»* («Хадрат аль-мухтарам») (1975 г.) и др.), талантливый киносценарист и мыслитель, получивший мировое признание.

Первый из арабских писателей - лауреат Нобелевской премии по литературе (1988 г.), Нагиб Махфуз прожил сложную, наполненную драматизмом жизнь, встав в один ряд с теми писателями с мировым именем, чьи романы в разное время по разным причинам были запрещены.

Судьбоносную роль в жизни писателя сыграл его роман «Дети нашей улицы»¹ («*Azward haritna*»**, 1959), ставший вершиной его творчества. За него (в том числе) в 1988 г. писатель получил Нобелевскую премию и приобрел мировую известность и признание. Из-за него же он подвергся нападкам в своей стране, в т.ч. на страницах прессы. В 1994 г. молодой радикальный исламист напал на Махфуза с ножом - писатель выжил, но уже не смог вести активный образ жизни, общаться с читателями, участвовать в теле- и радиопередачах.

После Июльской революции 1952 г., когда к власти в Египте, устранив монархию, пришли пат-

риотически настроенные «Свободные офицеры» во главе с Гамалем Абдель Насером, Махфуз не писал несколько лет. Затем, разочаровавшись, вероятно, в результатах революции, Нагиб Махфуз создал в новом для себя жанре большой роман-притчу «Дети нашей улицы» (объемом более 500 страниц), в котором попытался в метафорической форме охватить духовную историю человечества с его поиском Бога, справедливости и счастья (иудаизм, христианство, ислам и атеизм).

«Дети нашей улицы» начали печатать по частям уже в 1959 г. в центральной египетской газете «Аль-Ахрам», но вскоре роман получил резкое осуждение со стороны специального совета «Аль-Азхара» - духовного центра исламского мира. Была выпущена фетва*** о запрещении романа.

При светской власти и судебной системе фетва имела, с одной стороны, рекомендательный характер, но с другой - огромную силу и авторитет в мусульман-

ском обществе. Вспыхнувший скандал не нужен был властям, и они настоятельно рекомендовали Махфузу отказаться от идеи напечатать роман, в котором к тому же высказывались мысли, что любые революции бесплодны, и человеческие пороки после периода подъема все равно приведут нас к несправедливости и унынию.

Смятение в обществе не хотел производить и сам Махфуз, безропотно приняв запрет на публикацию своего произведения на территории Египта. Тем не менее, главный редактор «Аль-Ахрам» Мухаммед Хейкаль занял принципиальную позицию и допечатал роман на страницах газеты.

Роман «Дети нашей улицы» был переведен на многие европейские языки, с 1962 г. выпускался на арабском в Бейруте, однако по-прежнему был запрещен в Египте. В самом Каире его можно было купить как контрабандный товар, перепечатать или перекопировать.

Споры вокруг произведения не утихали долгие годы, однако открытого обсуждения романа с богословами так и не состоялось. По воспоминаниям писателя, Хасан Сабри аль-Кхули, глава администрации Г.Насера, пытался устроить встречу богословов с Нагибом Махфузом, которая так и не состоялась². Со своей стороны, Н.Махфуз не подавал официального заявления в «Аль-Азхар» с просьбой получить письменное разрешение на публикацию рома-

* Русский перевод В.Н. Кирпиченко.

** В русском переводе В.Н. Кирпиченко - «Предания нашей улицы» (1992 г.).

*** Решение муфтия по какому-либо вопросу, основанное на принципах ислама и шариата, на прецедентах мусульманской юридической практики.

на, поскольку это означало бы, в целом, передачу религиозной организации права запрещать или разрешать выход в свет литературных произведений. Махфуз не хотел создавать прецедента.

В начале 1990-х гг., спустя тридцать лет после написания романа, в Египте в адрес Махфуза вновь посыпались резкие обвинения в безбожии, ереси, оскорблении пророков и арабской нации и поддержке врага - Израиля³. Писателя называли коммунистом, марксистом, сионистом, масоном. При этом находились такие активные противники Махфуза, которые признавались, что и вовсе не читали его произведения.

Катализатором обострения положения писателя в Египте послужили несколько событий.

Во-первых, как было сказано ранее, получение Махфузом Нобелевской премии*, в т.ч. и за этот роман, и как следствие - внимание к роману всего остального мира и его переводы на иностранные языки. При этом в Стокгольме (Швеция) название произведения перевели как «Смерть Бога», что являлось в некотором смысле некорректной инициативой шведской стороны, проигнорировавшей название романа, которое дал сам Махфуз, что ставило писателя-мусульманина под удар.

Во-вторых, в том же году был издан со скандалом и запрещен роман британского писателя кашмирского происхождения Салмана Рушди «Сатанинские стихи»** (1988). Это произведение вызвало яростный протест мусульман. Против преследования Рушди высказывался Нагиб Махфуз.

* Н.Махфуз не поехал в Швецию на церемонию вручения премии по состоянию здоровья. Она была вручена его дочерям - Умм Кальсум и Фатьме.

** В феврале 1989 г. иранский лидер аятолла Хомейни издал фетву, призывавшую мусульман казнить всех, кто был причастен к изданию романа, а иранский религиозный фонд предлагал денежное вознаграждение за убийство Рушди (прим. авт.).



роман уже не собственность Махфуза, а принадлежит всем как интеллектуальное достояние.

Все эти обстоятельства способствовали нарастанию напряжения в религиозно настроенной части египетского общества и, в конечном итоге, привели к покушению на писателя. Его совершил член радикальной организа-

Египтянин стал первым арабским писателем - лауреатом Нобелевской премии (из газеты).



Шейх Омар Абдель Рахман, духовный лидер и религиозный учитель египетских исламистов, главным образом, из таких организаций, как «Аль-Гамаа аль-Исламия» и «Аль-Джихад», заявил «...если бы Махфуза убили после того, как он опубликовал роман «Дети нашей улицы», романа «Сатанинские стихи» не было бы»⁴. Кроме того, Махфуз был сторонником поддержания мирных отношений с Израилем.

На фоне этих событий египетская газета с большим тиражом «Аль-Маса» начинает публиковать на своих страницах «Дети нашей улицы». Махфуз останавливает публикацию после первого же номера как автор и правообладатель, однако в среде интеллигенции раздавались голоса, что

Дочери Н.Махфуза на церемонии вручения Нобелевской премии по литературе, Швеция, 1988 г.

ции, посчитавший Махфуза отступником от ислама и опасным врагом.

Сразу после нападения, вызвавшего всеобщее сочувствие к Махфузу, его посещают в больнице представители «Аль-Азхара», а несколько египетских газет начинают соперничать за право издать роман. Но Нагиб Махфуз был непреклонен. Его единственным условием на публикацию романа было официальное одобрение от «Аль-Азхара». Но произведение так и не одобрили.

Характерна была реакция Нагиба Махфуза на покушение. Председатель Союза египетских

писателей Мухаммед Сельмави вспоминал: «Я был потрясен произошедшим. Направился в больницу рядом с его домом в аль-Агузе. Махфуз рассказал мне обо всем, выразив сочувствие молодому человеку, который напал на него. Он сказал: «Как же ему должно быть тяжело. Он мог стать спортсменом или сделать что-нибудь важное в жизни, но выбрал путь убийцы». Потом добавил: «Я не держу на него зла. Он жертва*»⁵. Когда же Сельмави встретился с этим юношей, тот не выразил раскаяния в содеянном и заявил, что желал бы довести дело до конца, поскольку Махфуз - безбожник, хулиТЕЛЬ ислама. При этом юноша признался, что не знаком с наделавшим много шума романом.

Необходимо подчеркнуть, что произведения С.Рушиди и Н.Махфуза на самом деле имеют между собой мало общего, разве что только содержат некоторые размышления на тему религии, религиозные прообразы, однако по идейному содержанию они написаны в разных ключах.

В «Детях нашей улицы» Нагиб Махфуз ни в коей мере не задевает ни одну из трех мировых религий, не использует ругательную лексику, более того, показывает роль религии, объединяющую духовные силы народа. Согласно роману, последователи всех трех религий, обретя их, приближались к свободе и справедливости, вырабатывали высокие нравственные основы, понимали свое предназначение.

Единственно, Нагиб Махфуз многократно повторяет в романе, что люди по-прежнему страдают, что сильный притесняет слабого, что богатому нет дела до бедняка, что борьба добра и зла вечна и происходит она в наших душах.



Медаль Нагиба Махфуза - ежегодная премия по литературе, присуждаемая с 1996 г., за вклад в развитие современной арабской литературы в переводе.

*«...Никто, знакомый с историей нашего квартала, не поверит тому, о чем рассказывают под ребаб** в кофейнях. Кто такие Габаль, Рифаа и Касем? И какие за пределами кофейен имеются доказательства того, что они действительно существовали? Уши слышат об этих легендах, а глаза видят лишь несчастную улицу. Как же мы дожили до этого? Где же Касем и сплоченный квартал, где имение, доходы с которого идут на общее благо? Что нашло на этого алчного управляющего и потерявших рассудок надсмотрщиков?»****

«...Жители улицы перенесли в самые худшие времена, какие знали. Их лишили и прав, и достоинства. Их преследовала нужда, нагоняли удары дубинок, на них сыпались пощечины. Снова стало грязно, расплозились мухи и вши. Дороги наводнились попрошайками, бесноватыми и калеками. Имена Габалы, Рифаа и Касема

** Ребаб - струнный музыкальный инструмент.

*** Здесь и далее цитирование по переводу В.Н.Зарытовской - *Махфуз Нагиб. Дети нашей улицы*. М., Центр гуманитарного сотрудничества, 2012.

превратились в пустой звук и повторялись только в песнях пьяных поэтов. Каждый клан хвастался своим предком, от которого ничего не перенял, и часто спор их заканчивался дракой».

Остановимся подробнее на тех обвинениях, на которых строилось заключение о враждебности романа «Дети нашей улицы» арабской культуре и мусульманскому вероисповеданию.

Необходимо помнить, что «мировоззренческие и философские взгляды Махфуза складывались в то время, когда знакомство с западной культурой и наукой, просветительство, реформация ислама и обновительское движение в литературе поколебали устои догматической веры, и многие арабские литераторы - христиане и мусульмане - проникались идеями индивидуального богопознания, поисками «Бога внутри человека»⁶.

Основными пунктами обвинения романа исламистами стали:

1) Создание альтернативной истории религий.

Нагиб Махфуз создает не просто роман, а притчу, в основных действующих лицах которой угадываются:

Бог - всемогущий предок всех живущих в квартале, закрывшийся ото всех в Большом Доме с садом аль-Габалюю.

Дьявол - его непокорный сын Идрис (созвучно с арабским *Иблис* - дьявол), из-за искушения которого из Дома был выгнан другой сын - Адхам (созвучно с Адам) со своей женой Умеймой (созвучно с арабским *умм* - мать, прямое указание на Еву). Соответственно, их дети - братья-пастухи Кадри и Хумам (созвучно с Каин и Авель), один по сюжету ненавидит всемогущего деда, другой относится к предку с почтением. Кадри также убивает брата из зависти, когда того приглаша-

* Здесь и далее перевод с арабского В.Н.Зарытовской.

ют жить в Большой дом аль-Габальяуи.

Пророк Моисей - Габаль (созвучно с арабским словом *гора* - ключевым в истории жизни Моисея) - первый из потомков аль-Габальяуи, услышавший его голос и наставления. Повел за собой свой род и подчеркнул их избранность.

Иисус Христос - Рифаа (от арабского глагола *рафаа* - *поднять*, т.е. *вознести*), учивший добру и покорности, терпящий насмешки всего квартала и приносящий себя в жертву, имеющий своих последователей, преданный и убитый в романе криминальными авторитетами.

Пророк Мухаммед - Касем (пророка также называли Абу Касем), женившийся на богатой вдове (Хадиджа), беседовавший со слугой аль-Габальяуи (архангел Джабраил (Гавриил), вынужденный искать убежища от преследователей в другом месте (переселение из Мекки в Медину) и др.

2) Искажение некоторых исторических фактов.

Исследователи и знатоки истории, а также богословы обратили внимание на то, что роман Нагиба Махфуза искажает историческую правду, пытается подменить историческую истину ложью. Например, герой, олицетворяющий Христа, погибает следующим образом:

«В отчаянии Рифаа проговорил:

- За что вы хотите убить меня?

Баюми изо всех сил ударил его дубинкой по голове. Рифаа громко вскрикнул: «аль-Габальяуи!»

В следующее мгновение Ханфас ударил его дубинкой по шее, затем на Рифаа посыпались удары остальных».

А герой Касем, олицетворяющий пророка Мухаммеда, женится на сестре своего сподвижника, однако в действительности Мухаммед взял в жены Айшу - дочь ближайше-

го сподвижника Абу Бакра ас-Сиддика. Автор выдумал также, что Касем пас козочку вдовы (в романе - Камар, прототип первой жены пророка), а впоследствии и женился на вдове.

Такие малозначительные расхождения романа с историческими фактами противники Махфуза посчитали принципиальными, поскольку это может запутать неподготовленного читателя и сформировать у него ложные знания, которые тот примет за исторически достоверные. В этом смысле Махфуз несет ответственность как автор. Однако, прежде всего, надо помнить, что автор создавал художественное полотно, вымысел на основе истории мировых религий, не претендующий стать альтернативной историей религий или «выправить» ее, а значит, какие-то исторические факты могут быть пропущены, что-то может быть добавлено или преобразовано, согласно идейной логике повествования.

3) Изображение и умерщвление Бога.

Кощунственным также посчитали персонификацию Бога в

разе деда, предка всех живущих в квартале аль-Габальяуи. Более того, автор построил сюжетную линию таким образом, что герой Арафа (производное от арабского глагола *знать*), олицетворяющий науку, которая не принесла ему счастья и вовлекла в перипетии, решает воззвать к деду. Проникнув в Большой Дом под покровом ночи, он сталкивается со слугой, тот пытается его схватить, Арафа отбивается и убивает впотымах слугу. Потрясенный смертью верного слуги, аль-Габальяуи умирает. Таким образом, как посчитала часть исследователей, Махфуз провозглашает смерть Бога, т.е. заявляет, что Бога уже нет.

Однако же нельзя забывать, что Махфуз создавал не публицистическое, а художественное произведение, и такая сюжетная линия, скорее всего, говорит не о том, что Бог умер, а о том, что чистая наука, лишенная духовности, - тупиковый путь для человечества. Вспомним, что ранее, до появления романа, мир пережил чудовищную трагедию - были сброшены ядерные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки.

4) Оскорбительное изображение пророка Мухаммеда.

Оскорбительными некоторые посчитали отдельные строки Махфуза, которые как бы развенчивают непогрешимый образ пророка. Например:

«...Это было совсем не похоже на его свидания в жаркой пустыне, когда он испытывал слепую страсть, подобную голоду, которая всегда заканчивалась холодным безразличием».

5) Оскорбительные высказывания в адрес арабской нации.

Под местом действия романа угадывается старый каирский район близ горы аль-Мукаттам, с которого, как считается, Каир начинался. Следо-

Памятник Н.Махфузу в Каире.



вательно, жители улицы сравниваются с египтянами. А среди героев романа - бандиты и наркоманы.

«...Даже бандиты приветствовали свадьбу - кто народными играми, кто танцами. В харчевнях бесплатно разливали пиво, и даже юнцы захмелели. Во всех курильнях гуляющим бесплатно раздавали кальяны, и воздух наполнился запахом гашиша и индийского табака».

«Среди них были бродячие торговцы, владельцы лавок и кофеен, часто встречались попрошайки, но всех объединяло одно общее дело - каждый понемногу приторговывал наркотиками, в основном гашишем и опиумом».

В четвертой части романа, посвященной становлению ислама, Махфуз, описывая именно арабов, будущих мусульман, пишет:

«Этот район не имел названия, а обитатели его были самыми жалкими и несчастными, считались без роду и племени и звались бродягами»;

«...жизнь людей, особенно в квартале бродяг, была подобна жизни наводнявших его собак, кошек и мух, копошившихся в мусорных кучах в поисках пропитания...»

Слово, использованное здесь Махфузом для описания арабов - *джарбуу* (мн.ч. - *джарабиу*) - обозначает тушканчика и в переносном смысле используется как *бродяжка*. Уничажительный, а тем более оскорбительный коннотативный элемент здесь, на наш взгляд, минимален.

Крайне сомнительно, что автор, будучи арабом-мусульманином, всю жизнь проживший в Каире и сердцем болевший за родину, презрительно на страницах своего романа высказывается о соотечественниках и единоверцах. В этом отрывке, скорее, показаны переживание за них и обездоленность арабов до принятия ислама, благодаря которому арабы стали сильной нацией, в Сред-

невековые пережившей небывалый расцвет.

6) Утверждение торжества науки над религией.

Главный герой последней части романа - Арафа - утверждает, что Бога никто не видел, а его знания принесут ему счастье. Именно такая отступническая позиция героя вызвала резкую критику.

«Я не надсмотрщик и не избранник аль-Габалюу, но я владею такими чудесами, в которых заключается сила, неведомая Габалюу, Рифаа и Касему, вместе взятым».

Но необходимо заметить, что в романе герой, несущий знание, не становится пророком для той или иной группы людей, не имеет последователей, кроме одного верного помощника и невесты, запутывается, начинает служить злу (изобретать возбуждающие мужскую потенцию таблетки и взрывающиеся смеси), разочаровывается, ищет встречи с Богом и в конце романа погибает страшной смертью.

«Почему они роют могилу заранее? Арафе казалось, что сама гора аль-Мукаттам сдавила ему грудь. Он услышал стон Аватеф и дернулся из последних сил связанным телом. После он ничего не слышал, кроме стука лопат. Как бездушны эти люди!»

Сам Нагиб Махфуз писал: «Ислам - это источник добродетели для нашей нации, а наука - инструмент прогресса и возрождения...»⁷

В 2006 г., незадолго до смерти Махфуза, вновь появилась идея издать «Дети нашей улицы» отдельной книгой в Египте, и Махфуз дал заочное согласие на издание после предложения одного из богословов - Ахмеда Камала Абу аль-Мажда - написать примирительное предисловие-пояснение к роману. Уже после смерти писателя его семья после некоторых колебаний дала согласие на это издание.

Тем не менее, споры о праве романа на существование продолжают до сих пор и недавно перешли в другое русло - кинематографию, когда известный египетский режиссер Халед Юсуф заявил о намерении снять фильм на основе романа⁸.

* * *

История публикации самого значимого и самого неоднозначного романа Нагиба Махфуза «Дети нашей улицы» имела очень сложную судьбу и растянулась практически на полвека, сыграв в жизни автора роковую роль.

Опираясь на арабские источники, стало возможным разобраться, почему это произведение подняло волну критики и возмущения в мусульманском обществе, хотя эта критика далеко не всегда соответствовала замыслу автора и логике повествования. При этом автор статьи ни в коей мере не пытался выносить собственные заключения на чувствительные религиозные темы.

¹ Махфуз Н. Дети нашей улицы. М., Центр гуманитарного сотрудничества, 2012.

² Husein Sh. Сельмави: фахм аль-ислямийн лиль адаб касыр (Сельмави: исламисты понимают литературу «ограниченно») // Al-watan, 30.08.2012.

³ Husein Sh. Op. cit.

⁴ Al-buhairy A. Азхарийона ядауна шурутан лиль мувафака аля нащри «Ауляд харитна» (Азхарийоты ставят условия публикации романа «Дети нашей улицы») // Al-mysriy al-yaum, 19.01.2006; Баада 45 аман миналь маны бимуктада фатва азхария фи ахд абден-Насыр (45 лет запрета после фетвы Азхара времен Гамала Абдель Насера) // Al-mysriy al-yaum, 14.02.2006.

⁵ Husein Sh. Op. cit.

⁶ Курпиченко В.Н. Завещание Нагиба Махфуза // Азия и Африка сегодня. 2012, № 10, с. 68-72.

⁷ Naghim A. Наджиб Махфуз фи зиммат алла валь ибади (Нагиб Махфуз - совесть веры и совесть творчества) // Al-Djeish, 2006, № 254 - <http://www.lebarmy.gov.lb/ar/news/?12464>

⁸ Халед Юсуф ятахадди ссалафин (Халед Юсуф бросает вызов салафитам) // An-naghar, 10.01.2012 - <http://www.alnaharegypt.com/t-59708>